

Александр Милюков

**Очерк истории русской
поэзии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А46

А46 **Александр Милуков**
Очерк истории русской поэзии / Александр Милуков – М.: Книга по Требо-
ванию, 2014. – 284 с.

ISBN 978-5-518-09861-9

ISBN 978-5-518-09861-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВВЕДЕНІЕ

Лермонтовъ сравнилъ судьбу Россіи съ судьбою одного изъ героевъ нашихъ старинныхъ сказокъ, который тридцать лѣтъ *сидѣлъ сиднемъ*, и вдругъ, по могучему слову колдуна, очнулся и изумилъ всѣхъ своими подвигами. Въ этихъ словахъ — исторія Россіи и русской поэзіи. Въ самомъ дѣлѣ, что такое древняя Русь и что такое новая Россія? Одна — еще грубая, отдѣленная отъ образованнаго міра китайскою стѣною своихъ нравовъ и предразсудковъ, полная упорнаго презрѣнія ко всему иноземному; другая — юная, могучая, съ жаждою къ просвѣщенію и горячимъ сочувствіемъ къ идеямъ обще-человѣческимъ. Колоссальный образъ Петра стоитъ на рубежѣ двухъ міровъ и, подобно гиганту родосскому, соединяетъ ихъ, опираясь одной

стопою на пустынный, темный берегъ, прошедшаго, другою на новый, свѣтлый міръ будущаго.

Поэзія, какъ вѣрная картина народной жизни, полное выраженіе ея духовной дѣятельности, нравовъ и обычаевъ, должна была проявить въ себѣ характеръ этихъ двухъ противоположныхъ міровъ, — и въ ней, дѣйствительно, какъ въ зеркалѣ, отразились тотъ и другой. Разсматривая древнюю нашу поэзію, видимъ слѣды неподвижно-однообразныхъ понятій, продолжительнаго сна, лишеннаго даже видѣній; обзрѣвая новую поэзію, находимъ произведенія, свидѣтельствующія о быстромъ пробужденіи духовной жизни, согрѣтыя благороднымъ чувствомъ, запечатлѣнныя свѣтлыми идеями. Въ одной — едва примѣтное проявленіе духа, огрубѣлаго отъ продолжительнаго бездѣйствія; въ другой — быстрый полетъ ума и фантазіи, воспрянувшихъ отъ вѣковой дремоты и озаренныхъ животворнымъ лучемъ европейскаго образованія. Такимъ образомъ, исторія нашей поэзіи, какъ и исторія политической жизни, представляя двѣ совершенно отдѣльныя картины, распадается на двѣ части: на древнюю поэ-

зію — до временъ Петра Великаго, и новую — съ эпохи преобразованія Россіи.

Что же было причиною бѣдности и продолжительнаго застоя нашей древней поэзіи и быстрыхъ успѣховъ новѣйшей?

Поэзія европейскихъ народовъ возникла изъ двухъ началъ: она или родилась отъ знакомства съ литературою древнихъ, или простекла изъ самой народной жизни. Которое же изъ этихъ двухъ началъ могло служить источникомъ поэзіи для древней Руси? Ни то, ни другое! — Войдя въ концѣ X вѣка въ тѣсную связь съ Константинополемъ, русскіе, повидимому, должны были бы скорѣе другихъ европейцевъ познакомиться съ поэзіею греческою, и черпать идеи прямо изъ этого обильнаго источника, тогда-какъ западные народы изучали древній міръ изъ литературы латинской, которая сама была прививною вѣткой, занесенною въ Римъ вмѣстѣ съ другими трофеями. Но вышло иначе. Сближеніе съ Константинополемъ открыло русскимъ доступъ къ византійской литературѣ, которая заключалась тогда въ сухихъ, лишенныхъ всякой поэзіи хроникахъ, въ изысканномъ и надутомъ краснорѣчьи, и отличалась глубо-

кимъ презрѣніемъ ко всему, что только касалось языческаго міра, а слѣдовательно и древней греческой поэзіи. И съ этою-то литературой сдружились русскіе на первомъ шагу къ образованію. А потому связи съ Греціею и знакомство съ греческимъ языкомъ нисколько не послужили къ усвоенію поэзіи древней Эллады, и еще удалили всякую возможность къ сближенію съ ней. Хотя у насъ и знали о существованіи Гомера ¹⁾, но поэзія древнихъ, какъ памятникъ язычества, считалась *еретическимъ милословіемъ*, не только ничтожнымъ и бесполезнымъ, но даже опаснымъ и вреднымъ. Свѣтская поэзія казалась грѣховною, ее преслѣдовали и гнали какъ язву. Знакомство съ литературой латинскою было еще невозможно: ненависть къ католицизму налагала на латинскій языкъ печать отверженія. Оставалось русской поэзіи развиваться изъ собственныхъ началъ жизни. Но могло ли быть значительнымъ это развитіе?... Удѣльная система, необходимая для сплоченія въ одно цѣлое разнородныхъ элементовъ нашего государства, въ то же время была пагубна, лишивъ его послѣдняго участія въ судьбахъ человѣчества и заключивъ всю жизнь его въ

тѣсныхъ предѣлахъ внутреннихъ смуть и разбоевъ. Отчужденная отъ образованнаго міра, Россія вскорѣ назначена была провидѣніемъ въ число очистительныхъ жертвъ для спасенія Европы отъ нашествія варваровъ и корана, и отдѣленная отъ нея нравами и религіею, она не слыхала ни одного слова утѣшенія. Правда, на сѣверѣ былъ уголокъ, гдѣ проявлялось что-то подобное народной жизни. Почти незнакомый съ татарскимъ игомъ и удѣльными смутами, Новгородъ одинъ былъ въ связи съ Европою; но, въ несчастію, византійское вліяніе препятствовало и тамъ полному развитію поэзіи. Впрочемъ, есть причины думать, что лучшія изъ народныхъ пѣсенъ и сказокъ принадлежать Новгороду. Могла ли, при такихъ обстоятельствахъ, возникнуть у насъ поэзія изъ самой жизни, когда эта жизнь, пораженная еще въ самомъ началѣ, принуждена была столько вѣковъ таиться подъ ледяной корою, не согрѣваемая образованіемъ; когда все было неподвижно и мертво, отъ одежды до мысли, когда отецъ вмѣстѣ съ кафтаномъ завѣщалъ сыну и понятія, доставшіяся ему отъ дѣда, когда бабушка передавала внуку своей наслѣдствен-

ный сарафанъ и свое наслѣдственное невѣжество.

Такимъ образомъ, пагубное вліяніе литературы византійской мѣшало намъ познакомиться съ древними; а несчастныя обстоятельства, въ которыя Россія поставлена была сближеніемъ съ Греціею, удѣльною системою и монгольскимъ порабоженіемъ, подавили въ ней самобытное развитіе народнаго духа. Погруженная въ продолжительный сонъ, русская жизнь не могла проснуться безъ сильнаго потрясенія. Ни призывъ иностранцевъ при Іоаннѣ III, ни просвѣщенныя идеи Годунова, ни сближеніе съ Польшею въ началѣ XVII вѣка, ни кіевская и московская академіи, — не въ состояніи были потрясти народный духъ и пробудить умственную дѣятельность. Нужны были геніальный умъ, могучая рука и желѣзная воля, чтобы расшевелить спавшаго богатыря и заставить его сознать свои силы. Явился Петръ. Быстро потрясъ онъ народъ свой, вывелъ изъ темницы, гдѣ столько вѣковъ погрязалъ онъ въ бездѣйствіи, — и Россія твердыми шагами пошла по пути къ образованію и славѣ. Начало этой новой жизни, полной духовною дѣятельностію, было

и началомъ новой поэзіи. Разумѣется, эта поэзія, какъ и самая жизнь, не могла получить характера самобытнаго, а заключилась въ одномъ усвоеніи чужихъ идей и формъ, въ одномъ непрерывномъ приобрѣтеніи того, что было утрачено во время продолжительнаго застоя.

Ясно, что характеръ древней нашей поэзіи не могъ имѣть ничего общаго съ характеромъ новой, потому что одна выражала постоянный застой неподвижныхъ идей, а другая непрерывный прогрессъ быстрого развитія. До Петра Великаго все безжизненно: литературные памятники XVII вѣка не только не превосходятъ древнѣйшія произведенія поэзіи, но во многомъ уступаютъ имъ. Напротивъ, со временемъ Петра все кипитъ жизнью: идеи Каптемира нисколько не сходны съ идеями Симеона Полоцкаго, Державинъ, кажется, цѣлымъ вѣкомъ отдѣленъ отъ эпохи Ломоносова, а поэзія Пушкина шагнула неизмѣримо далеко отъ поэзіи Державина. Не значитъ ли это, что вѣковая неподвижность древней Руси составляетъ совершенно отдѣльную картину отъ кипучей дѣятельности новой Россіи? Исторія древней нашей поэзіи показываетъ, что

русскій человѣкъ восемь вѣковъ находился въ неподвижномъ положеніи куколки, и можетъ быть долго еще остался бы неподвижнымъ, еслибы не повѣяло на него теплое дыханіе европейскаго образованія; изъ новой поэзіи видимъ, что тѣсная кокона распалась, мотылевыя отростилъ крылья и готовъ порхнуть въ тотъ свѣтлый міръ, гдѣ живутъ его собраты, ранѣе освѣщенные и согрѣтые божественнымъ лучемъ образованія.

ДРЕВНЯЯ РУССКАЯ ПОЭЗІЯ.

I.

Историческія свазанія Нестора.

Не смотря на мнѣніе славянофиловъ, которые стараются доказать, что Русское государство возникло совсѣмъ не подъ вліяніемъ норманновъ, нельзя, однакожь, не видѣть въ первыхъ временахъ нашей исторіи, въ теченіи IX и X вѣковъ, характера чисто скандинавскаго. Весь языческій періодъ, какъ изображаетъ его первый нашъ лѣтописецъ, носитъ самый яркій отпечатокъ вліянія сѣверныхъ героев. Основаніе государства на берегахъ Волхова, связаннаго естественнымъ

воднымъ сообщеніемъ съ Балтійскимъ моремъ, постоянное стремленіе первыхъ князей на югъ, перенесеніе столицы сперва въ Кіевъ, потомъ въ Переяславецъ на Дунаѣ, непрерывные морскіе походы къ Константинополю, — свидѣтельствуя, какое направленіе имѣла въ этомъ краю жизненная дѣятельность. Не входя въ этимологическіе споры, не лучше ли обратить вниманіе на самый характеръ тогдашней жизни! Кто, кромѣ скандинавскихъ смѣльчаковъ, былъ въ то время въ состояніи предпринимать походы на лодкахъ къ столицѣ Греческой имперіи? Кто могъ отважиться на такое предпріятіе, кромѣ норманновъ, которые, наводнивъ своими воинственными толпами западные берега Европы, естественно должны были попытаться открыть новый путь, чрезъ земли славянскія, къ тому городу, который славился баснословными богатствами и составлялъ постоянную цѣль грабительскихъ набѣговъ? Поселеніе варяговъ въ Новгородѣ и Кіевѣ не могло ли быть однимъ только становищемъ для открытія постояннаго сообщенія, черезъ славянскія земли, съ Чернымъ моремъ, до тѣхъ поръ какъ долговременное пребываніе въ степной сто-